

«разминуться, разойтись» (автор, впрочем, там же рассматривает данную версию как возможность); тогда значение всего слова сводится к сумме значений «отстоящий сук дерева ч'вэ», что как нельзя лучше соответствует рассматриваемой реалии. Кроме этого, в приведенной глагольной форме лагд, по транскрипции автора, мы имеем заднеязычный щелевой согласный *z*, а в названии детали остроги лах' – вулярный согласный *x'*, и это почти исключает предлагаемое сравнение. Явно ошибочным является в работе истолкование названия ульчского амулета *тинэпу*, которое автор раскладывает на два замечательных компонента (с. 135) – по-ульчски слово *тинэпу(н)* означает «посох, трость», изображением которого и является данный амулет.

Из числа недочетов книги, в чем, впрочем, автор не виновен, заслуживает быть отмеченным то, что А.Б. Островский, характеризуя мифологический рассказ о медведе у эвенков (с. 106, прим. 25), ссылается на сборник «Легенды и мифы Севера» (М., 1985), в то время как паспортные данные текста, приведенные в указанном сборнике, неверны, а перевод отредактирован в угоду вкусам и представлениям составителя книги В.М. Санги, в том числе в значимой этнологической части – так, к числу редакторских добавлений относится именование медведя словом Накат⁵.

Заканчивая разговор о книге «Мифология и верования нивхов», следует сказать, что она, возможно, будет воспринята неоднозначно этнографами и представителями смежных наук, к компетенции которых относятся затронутые в ней проблемы. Но, бесспорно, данное исследование внесло большой вклад в изучение религиозных воззрений, мифологии, фольклора и пластики нивхов и других народов Дальнего Востока и представит интерес для большого круга читателей. Заслуживает добрых слов и издательство «Петербургское востоковедение», включившее обсуждаемую книгу в число своих изданий и выпустившее ее в очень хорошем полиграфическом исполнении.

Примечания

¹ Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976.

² Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Вып. 3. СПб., 1996. С. 111–142.

³ Там же. Вып. 4. СПб., 1996. С. 60–89.

⁴ Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Магадан, 1983. С. 94.

⁵ Текст этого рассказа в переводе собирателя Н.П. Ткачика опубликован в сб.: Эвенский фольклор / Сост. К.А. Новикова. Магадан, 1958. С. 89–98; переиздание: Эвенские сказки, предания и легенды / Сост. К.А. Новикова. Магадан, 1987. С. 89–97. Фрагменты этого текста в переводе собирателя были напечатаны еще в 1948 г. (Ткачик Н.П. Перевод книги для чтения по эвенскому языку для 3 класса. Л., 1948. С. 59–62).

А.А. Бурькин

© 1999 г., ЭО, № 2

О.М. Рынди́на. Орнамент. Томск, 1995. 640 с., илл.

Рецензируемая работа – третий том из серии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири». Эта серия издается томскими археологами и этнографами под общей редакцией Н.В. Лукиной и уже стала заметным явлением современной отечественной науки. История изучения орнамента народов Западной Сибири насчитывает большое количество исследований, среди которых наиболее заметны труды С.В. Иванова¹. Но представленное сочинение во многом можно считать обобщающим и поворотным, что обусловлено использованием новых методов анализа, в результате чего автор приходит к иным выводам, нежели С.В. Иванов.

Цель исследования О.М. Рындиной – проследить генезис орнаментики обских угров, самодийцев, нары́нских эвенков и русских Западной Сибири и отражение в последней этногенетических процессов, протекавших на данной территории. Автор пытается решить следующие задачи: дать характеристику и выявить локальные особенности орнаментального творчества указанных народов, проследить генезис орнамента, провести этногенетические построения на материале орнаментики, выявить исконные и привнесенные черты в орнаментальных культурах изучаемых этносов.

Методологической основой исследования стало положение, что орнамент представляет собой систему,

компонентами которой являются элементы, мотивы и композиция. В число системных параметров включаются также материал, техника, цвет и т.д., которые, как полагает автор, играют в системе орнамента второстепенную роль в отличие от предыдущих показателей. С использованием принципов формальной организации орнамента (симметрия, ритм, повтор мотива и др.), метода статистической обработки, науки о симметрии были выделены элементы – этнические маркеры. Этот же подход позволил автору выстроить схему генезиса узоров. Такой метод является новаторским для отечественной этнологии и полностью соответствует современным тенденциям развития науки.

К числу успешных методологических новаций необходимо отнести также то, что О.М. Рындина, анализируя орнамент, учитывает и его размещение на декорируемой поверхности, соотносит семантику узора и мировоззрение народа, отраженное в орнаменте, декор и конструкцию одежды и т.д., т.е. охватывает и природное, и социальное окружение человека.

Рассматривая генезис орнаментики народов Западной Сибири, автор монографии выделяет и локальные особенности. Сделан вывод, что вышивка на ткани была наиболее характерна для южных хантов, в то время как у других групп этого народа подобная техника представлена редко. Определена и этническая специфика орнаментального творчества того или иного этноса: "У обских угров произошло становление искусства формы, у самодийцев – искусства цвета, у эвенков – искусства композиции" (с. 547).

Источниковую базу исследования составляют этнографические материалы XIX–XX вв. и археологические данные более ранних хронологических периодов, используемые для реконструкции процесса развития и сложения современного орнамента обских угров, самодийцев и нарымских эвенков.

Автор монографии выделяет несколько этапов в генезисе орнамента этих групп населения, которые соответствуют этногенетическим ситуациям, складывавшимся в те или иные периоды истории в Западной Сибири. Особенно детально периодизация представлена в развитии орнаментики обских угров. Здесь обозначены четыре этапа: общеуральский, андроновский, иранский и этап, связанный с возникновением представлений о Мир-сусне-хуме (с. 366–396). Подобное членение разработано автором в результате сопоставления археологических и этнографических материалов, что представляется удачным и заслуживающим внимания. Так, шахматная мозаика из разноцветного меха, наклонные или вертикальные ряды линий на бересте, стилизованное изображение медведя уходят своими корнями в период общеуральской общности. Керамика этого времени украшена накольчатыми линиями и оттисками гребенчатого штампа вдоль венчика. Зигзагообразный бордюр с включением в него Г- и Т-образных фигур складывается под влиянием культур андроновского типа. На третьем этапе в результате активных контактов «населения лесостепной полосы Западной Сибири и Зауралья с ранними сарматами и саками в V–IV вв. до н.э. в рамках саргатской и гороховской культур» в узорах обских угров появляются орноморфные элементы, характерные для орнаментики ираноязычного мира (с. 390). Иранское влияние связано и с возникновением представлений о Мир-сусне-хуме. Таким образом, автор показывает достаточно убедительную, логически обоснованную картину генезиса орнаментального искусства обских угров. К сожалению, эти построения схематичны, но подобное положение дел обусловлено недостаточной изученностью орнаментированного археологического материала, да и исследованию древнего периода генезиса орнамента следует посвящать отдельную, не менее фундаментальную работу.

Большое достижение исследователя – системный анализ орнамента русского населения Западной Сибири, тем более что эта тематика в современной науке разработана слабо. Справедливыми представляются выводы автора, полученные в результате изучения орнаментального искусства нарымских эвенков: наиболее целостным и сохранившим древнейшие черты является орнамент указанной группы, а не узоры дальневосточных и приенисейских эвенков, как полагал С.В. Иванов (с. 476).

Таким образом, монография О.М. Рындиной вносит значительный вклад в решение проблем классификации орнаментики народов Западной Сибири, динамики орнаментальных мотивов, выявления архетипических форм декора и роли этнографического источника в реконструкции процессов генезиса элементов традиционной культуры, соотношения орнамента и декорируемой поверхности и т.д. Перед нами – фундаментальное исследование, содержащее глубокий и всесторонний анализ орнаментального искусства изучаемых этносов. В методологическом плане (системный подход, использование математических методов и т.д.) значение работы выходит далеко за пределы мира западносибирских культур. Безусловно, она будет полезна широкому кругу этнографов, археологов, культурологов и всем, кто в той или иной мере соприкасается с самобытным искусством сибирских народов.

Вместе с тем необходимо отметить, что работа содержит отдельные дискуссионные моменты, что естественно для такого многопланового и фундаментального сочинения.

Так, по мнению автора, орнамент в силу определенных свойств можно выделить в качестве самостоятельного вида изобразительного искусства (с. 10), что, на наш взгляд, не имеет достаточных оснований, тем более что в ходе дальнейшего изложения О.М. Рындина ведет речь все же об орнаменте как о части декоративно-прикладного искусства. Следует учитывать, что орнамент – это система, в которую входит множество элементов, в том числе и украшаемый предмет, и техника исполнения, подчеркивающие прикладную функцию орнамента.

О.М. Рындина, некритично восприняв существующую научную традицию, некорректно, на наш взгляд, наделяет культурным или этническим содержанием классификационно-лингвистические понятия «угры», «самодийцы», «тюрки» и т.д., обозначающие по сути не более чем языковые подразделения. В данном случае было бы уместно вести речь об орнаменте хантов, маңси и т.д., а точнее, о соответствующих элементах культуры отдельных локальных групп. Необходимо отметить, что построения исследователя наиболее удачны в тех случаях, когда она именно так подходит к материалу.

В первом разделе, говоря о различных типах вышивок хантов (с. 32), автор не останавливается на традиционности в использовании цвета. Кроме того, к большому сожалению, в монографии отсутствуют цветные иллюстрации.

Выделение О.М. Рындиной четвертого этапа в генезисе орнамента хантов и манси, на наш взгляд, не имеет достаточного основания и логически не соотносится с тремя предыдущими периодами (с. 392–395). Возможно, в этом случае стоит объединить два последних этапа в один.

Анализируя применение ромба с продленными сторонами и крючковидными отростками в орнаментике русских Западной Сибири, автор монографии указывает, что этими элементами украшали одежду, и связывает его с магией плодородия (с. 542). В данном случае подобная семантическая трактовка описанных элементов выглядит несколько односторонней. Учитывая широкую распространенность подобного ромба в орнаментальном искусстве народов Европейской России² и Сибири³, можно говорить о его древнем происхождении и о том, что эти элементы, вероятно, обладают множеством семантических значений.

Несмотря на высказанные замечания, работа О.М. Рындиной имеет огромное значение. Монография представляет собой цельное исследование, решающее крупную научную проблему. Научная и методологическая новизна исследования несомненна и выражена в подходе к орнаменту как к системе. Работа, безусловно, найдет применение в практической работе по пропаганде богатейшего культурного наследия народов Сибири.

Примечания

¹ Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 369–378; *его же*. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. 470 с.

² Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. М., 1977. С. 85; Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 203–205; Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 50–52; Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984. С. 178–179; Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. С. 69–71.

³ Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1990. Рис. XLVI; Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск, 1979. С. 144, 221.

Ф.М. Фаткуллина, А.Г. Селезнев

© 1999 г., ЭО, № 2

З.П. Соколова. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998. 288 с.

Выход в свет нового труда известного сибиреведа З.П. Соколовой – заметное явление в нашей науке. Эта монография значительно расширяет представления о материальной культуре народов Сибири, сохраняет российские традиции этнографических исследований. Отрадно, что в наше нелегкое время еще есть ученые, отдающие свой труд и талант фундаментальной науке, и находятся средства для публикаций.